

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮЖНОГО САХАЛИНА И ЯПОНСКОЕ РЫБОЛОВСТВО. 1875—1905 гг.

Анатолий Владимирович ТРЕХСВЯТСКИЙ,
старший преподаватель филиала ДВГУ в Хакодате

1. На пути к Петербургу

7 февраля (26 января) 1855 г. Путятиным с российской стороны и Цуцуи и Кавадзи — с японской, был подписан «Трактат о торговле и границах между Россией и Японией» — итог дипломатических усилий российской стороны на протяжении предшествующих шести десятилетий. Во второй главе трактата граница на Курилах определялась между островами Уруп и Итуруп, а Сахалин оставался неразделенным. После неоднократных дебатов по поводу территориальной принадлежности острова члены японской делегации на переговорах также разделяли настрой Путятина на то, чтобы отложить решение вопроса о границе на будущее. Таким образом, неопределенность формулировки, касающейся Сахалина, была следствием стремления полномочных представителей обеих сторон избежать немедленного решения пограничного вопроса. В российском тексте договора это выглядит следующим образом: «Что касается острова Крафто (Сахалин), то онъ остается неразделеннымъ между Россією и Японією, какъ было до сего времени»¹.

Неопределенность ситуации на Сахалине не могла удовлетворять ни японскую, ни российскую сторону, а неоднократные попытки решить «сахалинский вопрос» за столом дипломатических переговоров заканчивались безрезультатно.

В 1860-е годы дипломатическая инициатива по решению «сахалинского вопроса» полностью перешла к японцам. У истоков всех инициатив находилось губернаторство Хакодате, которое буквально забрасывало бакуфу требованиями о переговорах с Россией. Политический кризис, охвативший Японию в эти годы привел к падению в 1868 г. бакуфу и восстановлению власти императора; эти события получили название «реставрации Мэйдзи». Для руководителей нового японского правительства противостояние кажущейся «угрозе с севера» стало одной из приоритетных задач внешней политики. По их мнению, из всех сильных держав того времени именно Россия угрожала существованию Японии. К формированию негативного образа России у членов японского правительства имел отношение и английский полномочный представитель в Японии Г.С. Паркс, практически монополизировавший поставку информации о международном положении в выгодном для английской дипломатии свете в условиях практически полного отсутствия у Японии собственных дипломатических каналов. В первые годы существования правительства Мэйдзи японские политики раскололись на сторонников и противников военной экспедиции на Корейский полуостров. «Корейский кризис» оказал влияние и на российско-японские отношения. Сторонники военной экспедиции в Корею считали, что Япония, закрепившись на Корейском полуострове, сможет предотвратить дальнейшую экспансию России в Азию; их противники, наоборот, утверждали, что Япония перед началом экспансии на материк должна прежде всего урегулировать вопрос территориального размежевания с Россией на Сахалине.

В конце 1860 — начале 1870-х годов японское правительство предприняло попытку колонизации южной части Сахалина. Однако уже в марте 1874 г. Колонизационное бюро решило свернуть колонизацию острова, сконцентрировав усилия на освоении Хоккайдо. Черту под 20-летним периодом совместного владения островом подвел Санкт-Петербургский трактат 1875 г., по которому японское правительство отказывалось от Сахалина путем обмена на Северные Курилы. После заключения договора у части японского общества осталось чувство обиды на Россию за неравнозначный, по ее мнению, обмен. Тенденциозность японцев того времени во взгляде на Сахалин отмечал известный ученый-ориенталист начала XX в. Д. Позднеев: «Несмотря на то, что японцы узнали о Сахалине сравнительно очень недавно, но с тех пор, как они прониклись до мозга костей идеею о необходимости защиты всякими средствами своей империи от постоянно грезившихся им нападений России, они решили, что Сахалин принадлежал искони веков Японии»². Несмотря на поступательное развитие двусторонних отношений, особенно по линии императорских фамилий, подобные страхи и тенденциозность в отношении России оставались в Японии и в последующие годы.

Антирусские настроения сознательно на протяжении многих лет прививались японскому народу через печать; особенно большой их всплеск произошел в 1895 г., когда Россия наряду с Францией и Германией ультимативно потребовала от Японии отказаться от плодов победы в войне с Китаем («вмешательство трех держав»). После этого широкие слои японского общества объединились в поддержку правительственного курса на реванш по отношению к России. Под лозунгом «Гасин сётан» (Перетерпим трудности и лишения) в стране развернулись полномасштабные военные приготовления. Столкновение интересов двух держав в Маньчжурии становилось все более очевидным, особенно после того, как Россия в 1898 г. получила в аренду п-ов Ляодунский, от которого она вынудила отказаться Японию тремя годами раньше. Обострилось также японо-русское соперничество за господство на Корейском полуострове. Заключив в 1902 г. договор с Англией, которая также стремилась помешать расширению сферы влияния России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обеспечить себе тем самым поддержку на международном уровне. Япония приняла решение разрубить «гордиев узел» зашедших в тупик дипломатических переговоров по поводу «обмена Маньчжурии на Корею» на полях сражений. Несмотря на то, что исход войны решался на просторах Южной Маньчжурии, Сахалин также оказался ареной военных и дипломатических сражений.

Таким образом, именно проблема Сахалина оказала решающее воздействие на формирование у японцев эпохи Мэйдзи образа России, подкорректированного после японо-китайской войны «вмешательством трех государств». Когда через 30 лет после Санкт-Петербургского трактата в результате победы Японии в русско-японской войне она получила юг Сахалина, многие японцы восприняли это не как плату за победу, а как справедливое возвращение незаконно отторгнутых территорий. В 1945 г. Советский Союз вернул себе Южный Сахалин и получил в придачу Курильские острова, включая Южные, никогда до этого не находившиеся под юрисдикцией России, что в свою очередь вызвало существующую и поныне «проблему северных территорий».

Итак, 7 мая (25 апреля) 1875 г. в Санкт-Петербурге чрезвычайный и полномочный посланник Японии Эномото Такэаки и министр иностранных дел А.М. Горчаков подписали Санкт-Петербургский трактат (в Японии именуемый договором «Об обмене Сахалина на Курильские острова»). Документ подводил черту под территориальным размежеванием между Россией и Японией на Сахалине, являвшимся темой ряда двусторонних переговоров на протяжении 20 лет. Основные пункты договора следующие: 1) Япония отказывалась от своих прав на Сахалин и взамен получала 18 Курильских островов от Урупа до Шумшу включительно. 2) Компенсация государственного имущества обеих стран. 3) Гарантия имущества лиц, оставшихся на территории, отходившей к соседней стране, а также гарантия свободы промыслов. 4) Японские суда имели право в течение 10 лет посещать порт Кусюнкотан (Корсаков) без уплаты

портовых сборов и таможенных пошлин. 5) Открытие японского консульства в Кусюнкотане. 6) Режим наибольшего благоприятствования японским рыбопромышленникам вдоль побережья Охотского моря и Камчатки и др.³

Получив Сахалин в полное владение политически, Россия тем не менее в течение довольно длительного периода признавала японское присутствие в самой важной экономической отрасли острова — рыболовстве, что было обусловлено вышеупомянутым договором. Целью данной работы наряду с кратким обзором административной политики царского правительства на острове в последней четверти XIX в., является ознакомление читателя с масштабами японского присутствия, а также показать его влияние на становление русских рыбных промыслов на острове.

Каторга и колонизация Сахалина русскими

Появление ссыльных на Сахалине напрямую связано с разработкой угольных месторождений. Уголь на побережье Сахалина первым из европейцев обнаружил Лаперуз; затем в 1852 г. по приказу Невельского на остров была направлена экспедиция Н. К. Бошняка, которая обнаружила выход угольных пластов на побережье в Дуэ. Вначале их разработку поручили Российско-Американской компании, но в 1856 г. Сахалин был передан под юрисдикцию Приморской области в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, и правительство отправило на остров для добычи угля военные отряды. Запасы угля в Дуэ высоко оценивались, но не хватало рабочих рук, поэтому в 1862 г. по указанию генерал-губернатора Восточной Сибири для работы на угольных коях на остров стали направлять ссыльных каторжан. В то время существовала необходимость постройки в одном из портов Китая или Японии угольных складов для российской Тихоокеанской эскадры. Доставлявшийся издалека английский уголь был очень дорогим; японский — низкого качества, поэтому сахалинский уголь мог бы пользоваться большим спросом на рынке.

В 1866 г. российский консул в Хакодате Бюцов настаивал на строительстве угольного склада для Тихоокеанской эскадры в Хакодате. Появились планы наладить сбыт сахалинского угля в порты Японии и Китая, которые так и остались нереализованными. В 1870 г. на Сахалине побывала комиссия высокопоставленных чиновников Главного тюремного управления Департамента внутренних дел во главе с В. И. Власовым, которая подготовила рекомендации по использованию труда ссыльных каторжан в угольной промышленности и сельском хозяйстве.

После заключения в 1875 г. Санкт-Петербургского договора весь Сахалин стал российским; остров продолжал структурно входить в состав Приморской области, но было образовано два округа: Южный и Северный с центром в Корсакове и Дуэ соответственно. В 1881 г. на Сахалине была учреждена администрация по делам каторги, подчиненная военному губернатору Приморской области. В те годы на остров ежегодно направлялись от 500 до 600 ссыльных каторжан. В связи с упразднением в 1883 г. Виленской каторги на Сахалин из Одессы на судах Добровольного флота отправляли ежегодно более тысячи осужденных. С 1880 по 1900 г. на остров прибыли 24730 каторжан⁴.

Преступники помещались в тюрьмы, находившиеся в Корсакове, Дуэ, Александровске, Рыковском, Дербинском, Оноре. Известный ученый П. Ю. Шмидт в своем очерке «Остров Сахалин» писал: «Подобно тому, как в старину селения возникали вокруг княжьего дома и кремля, так на Сахалине все наиболее крупные его населенные пункты возникали вокруг тюрем»⁵. Сроки заключения варьировались от четырех-пяти лет до пожизненных. Все каторжники делились на разряды: «испытываемые» и «исправляющиеся». «Испытываемых» каторжников заковывали в ножные кандалы, летом им выбривали лопотину головы; все эти меры должны были предотвратить побег. По окончании испытательного периода кандалы снимались, и каторжане переходили в категорию «исправляющихся», которым полагались льготы: например, десять месяцев заключения у них считался за год. По отбытии срока заключения они выходили на поселение⁶. По сравнению с переселенческим движением роль

колонизации Сахалина при помощи выходящих на поселение каторжан была невелика. Подневольный труд не мог быть эффективным, а годы пребывания на каторге подрывали здоровье. Часть поселенцев, посаженных на землю, не имела никаких навыков в ведении сельского хозяйства. Бывшие каторжане зачастую вновь становились на путь преступления. Шмидт в «Острове Сахалине» приводит по этому поводу слова бывшего начальника главного тюремного управления Саломона, инспектировавшего в 1899 г. сахалинские тюрьмы: «Об исправительном значении каторги не может быть и речи. Напротив того, все, что мне пришлось узнать о внутренней жизни сахалинских тюрем, приводит меня к убеждению, что пребывание в этих тюрьмах безусловно губительно... Вред тюремной жизни усугубляется еще тем дурным примером, который подают арестантам иные из ближайших начальников — примером лжи, нечестности, казнокрадства и безнравственности»⁷.

В итоге политика российского правительства, рассчитанная на то, что каторга и ссылка приведут к заселению и освоению территории Сахалина, закончилась полным провалом⁸. Как отметил Шмидт: «Наиболее рациональным, но, разумеется, и наиболее трудным способом вдохнуть в остров новую жизнь было бы *полное упразднение на нем каторги*»⁹. Официально каторга была здесь отменена в 1906 г., после поражения России в русско-японской войне и потери Южного Сахалина.

В 1884 г. остров был выделен из состава Приморской области и стал самостоятельной административной единицей Приамурского генерал-губернаторства. По «Положению о преобразовании управления о. Сахалином», утвержденному 15 мая 1884 г., главное управление островом принадлежало Приамурскому генерал-губернатору, а местное — начальнику острова, назначенному из генералов. (В 1894 г. вместо должности начальника о-ва Сахалин был учрежден пост военного губернатора острова). Остров был разделен на три административных округа: Александровский, Тымовский и Корсаковский, их общий годовой бюджет устанавливался в сумме 107 тыс. 500 руб. Резиденция начальника находилась в Александровске.

По итогам всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на Сахалине проживали 28167 чел., включая 1443 айна, 1969 гиляков (нивхов) и 749 ороков. Судьба коренных жителей острова складывалась особенно печально. П.Ю. Шмидт, пишет: «С занятием японцами и русскими лучших рыболовных мест, с уменьшением запасов лососевых... инородцы лишились, если не вполне, то в значительной степени, своего главного источника существования — рыбы. Бессовестная эксплуатация их доверчивости и неопытности со стороны как японцев, так и русских, появление новых соблазнов в виде табаку и водки, наконец, проникновение новых болезней, — были дальнейшими последствиями их соприкосновения с цивилизацией...»¹⁰

В 1898 г. на Сахалине отбывали наказание 6366 чел. мужчин, женщин — 714 чел. Вместе с бывшими каторжанами и крестьянами из ссыльных всего — 22 тыс. 617 чел. В 1904 г. число всех категорий ссыльных было равно 23 тыс. 251 чел. В то же время свободное население составляли 11 тыс. 997 чел. — 66 % от всего населения острова.

Сельское хозяйство

Российским правительством особенно поощрялась сельскохозяйственная колонизация острова силами ссыльных поселенцев. Первая попытка была предпринята еще в 1862 г., когда сюда прислали 8 вышедших на поселение каторжан. Им предоставили земельные участки рядом с Дуйским постом, но только половина осталась на земле к 1864 г. они освоили земельные угодья. В первый год был получен хороший урожай, но год от года почва скудела, урожаи уменьшались, в итоге и оставшиеся поселенцы бросили занятие сельским хозяйством.

В 1869 г. на Сахалин прибыла большая партия ссыльных каторжан, из которых по приказу генерал-губернатора 400 чел. были оставлены в Дуэ для работы на угольной копи, а 100 чел. должны были заняться сельским хозяйством. В созданном Александровском хозяйстве ссыльные трудились на стро-

ительстве домов, прокладке дорог, вели мелиоративные работы. В 1870 г. был проведен первый сев; но полученный урожай оказался весьма скромным.

В упоминавшуюся выше комиссию чиновников Департамента внутренних дел, побывавших на Сахалине, входил также агроном М.С. Мицуль, который сделал вывод о пригодности для ведения сельского хозяйства не только земель на юге острова, но и в центре. По его подсчетам, в этих районах сельским хозяйством могли заниматься как минимум 25—30 тыс. чел. Комиссия подготовила предложения, однако, несмотря на помощь довольствием, инструментами, скотом и семенами, мечтам Мицуля о создании на острове «цветущего сельскохозяйственного оазиса» не суждено было сбыться. О причинах этого генерал-губернатор А.М. Духовской писал: «Важное обстоятельство, препятствующее обращению всех освобожденных от каторжных работ в колонистов-земледельцев, это наличие в составе ссыльных значительного числа непривычных и неспособных к земледельческому труду»¹¹. Не оправдались также надежды на труд свободных крестьян. В конце 1869 г. в порядке эксперимента в бассейне р. Такой направили на поселение 21 семью тобольских и иркутских крестьян (119 чел.), но из-за неурожая и последующего весеннего наводнения они не смогли там закрепиться надолго.

Несмотря на первые неудачи, за 25 лет с 1879 г. из Центральной России и Сибири на Сахалин было переселено более 30 тыс. чел., на их обустройство потрачено примерно 30 млн. руб. В 1902 г. около 10 тыс. жителей острова (или 23,9 % пришлого населения) занимались сельским хозяйством. Если в 1882 г. сельскохозяйственных поселений было всего 13, то уже через 5 лет их число увеличилось до 27, еще через 5 лет — до 33, в 1892 г. — 63, а в 1898 г. — 136. Согласно переписи 1897 г., площадь обрабатываемых земель составляла 137,86 га, поголовье лошадей — 2745, коров — 5499. По данным 1901 г., на Сахалине было 4 295 хозяйств ссыльных поселенцев, на которые приходилось всего 3 809 голов лошадей и скота, 57 % этих хозяйств вообще не имели скота, т. е. обработка земли производилась исключительно руками человека. Каждое хозяйство в среднем имело не более десятины с четвертью земли, в том числе пахотной — не более трех четвертей десятины¹².

Скромные масштабы сельского хозяйства, ненадежность выращивания в условиях сахалинского климата таких традиционных культур, как рожь и пшеница, и как следствие — частые неурожай и угроза голода; примитивность инвентаря, отношение большинства поселенцев к сельскому хозяйству, как к временному явлению и многие другие причины не позволили острову стать источником стабильного продуктового снабжения. К отрицательным факторам, препятствовавшим развитию сельского хозяйства и других отраслей, можно отнести и отсутствие дорог. Так, из 132 населенных пунктов острова в начале XX в. проезжими дорогами соединялись лишь 62, а до остальных можно было добраться лишь таежными тропинками. Юг острова был практически отрезан от его северной части; Шмидт приводит анекдотический случай: несколько местных российских чиновников, которым необходимо было попасть из Мауки в пост Корсаковский, для того чтобы не подвергаться трудностям кружного путешествия в сотню с лишним верст на лодках, лошадях и пешком через перевалы и тайгу, сели на японский пароход, который шел в Хакодате, где перешли на другой японский же пароход и с комфортом добрались до Корсаковского¹³. У этого же автора мы находим поистине пророческие слова: «Бездорожье на Сахалине до сих пор прямо вопиющее, и не подлежит сомнению, что нам придется еще за него горько поплатиться, когда Сахалин делается театром войны»¹⁴.

Горная промышленность

Разработка угольных запасов на Сахалине началась в Дуэ инженером-геологом А. Носовым еще в конце 1850-х, а уже с начала 1860-х годов стали использовать труд каторжан и ссыльных. Первая их партия (80 чел.) была доставлена сюда в 1861 г.¹⁵ Этнограф А. Д. Брылкин, побывавший на Сахалине в составе экспедиции Ф.Б. Шмидта, направленной Русским Географическим обществом для изучения Приамурья и Сахалина, в своих «Письмах с Сахали-

на» оставил живописную зарисовку одной из первых разработок угля на западном побережье острова: «... прошедшим летом основана частная каменноугольная ломка от купца Баурова. Содержание угля очень богатое и качество его очень хорошее; с 1 августа по 1 января 30 рабочими добыто угля более 65000 пуд. Это дельное предприятие, к сожалению, приведено в исполнение с чисто русской небрежностью; поверенный г. Баурова не только положительный невежда в этом деле, но и человек, обиженный Богом; рабочие не снабжены самым необходимым, как например, медикаментами; грязь, беспорядки, недостаток не только знания, даже общечеловеческой предусмотрительности бросаются в глаза на каждом шагу ... Предприятия такого рода очень выгодны, польза их несомненна; дай только Бог, чтобы их приводили в исполнение с толком»¹⁶.

Вплоть до конца XIX в., когда в Приморской области началась разработка Сучанского месторождения, Сахалин являлся практически единственным угледобывающим районом Дальнего Востока. Остров стал первым объектом проникновения иностранного капитала в добывающую промышленность Дальнего Востока. С 1870 по 1872 г. разработку Сортунайского угольного месторождения на острове вела американская компания «Олифант и К^о». Однако в целом в 1860 — 1870-е годы российское правительство отклоняло американские и британские предложения об участии в эксплуатации сахалинских запасов угля. Причиной такого упорства могла быть боязнь иностранного экономического проникновения на Сахалин¹⁷.

В 1875 г. МВД России заключил контракт с надворным советником Я.Н. Бутковским на аренду угольных копей на Сахалине, однако копи в Дуэ вскоре перешли обществу «Сахалин», управляющим которого был И.О. Макковский. В 1896 г. годовая производительность всех островных шахт превысила 1,6 млн. пуд., в 1897 г. было добыто 2,7 млн. пудов, в 1900 г. — 3,1 млн. пудов угля¹⁸. По этому поводу П.Ю. Шмидт писал: «Несмотря на свои хорошие качества, уголь этот разрабатывается, однако, лишь в трех рудниках и добывается сравнительно в очень небольшом количестве; только за последнее время вывоз его с Сахалина превысил два миллиона пудов — цифра, все же совершенно ничтожная по сравнению с тем, что Сахалин может дать. ... Для более значительного развития каменноугольного дела не хватает предприимчивости, не хватает рабочих рук и, главным образом, является чрезвычайно неудобными условия доставки угля, так как на Сахалине нет ни одного порядочного порта, где бы пароходы могли спокойно грузиться»¹⁹.

Экономическое развитие острова и японское рыболовство

Подводя неутешительные итоги экономического развития острова, П.Ю. Шмидт весьма образно характеризовал состояние его рыбной отрасли: «Единственною живою струею среди мутных волн сахалинской жизни является промысловое дело — эксплуатация морских промыслов, которые уже сами по себе могли бы обеспечить существование богатейшей промысловой колонии. Мы видели, однако, что и промысла находятся в печальном положении — они были до сих пор в полной зависимости от японцев, и лишь несколько русских промышленников, работающих японскими рабочими и на японский рынок, благоденствуют и не могут нахвалиться промысловыми богатствами края»²⁰. Ниже остановимся на состоянии рыбной отрасли острова в последней четверти XIX в.

Статья 5 Договора 1875 г. об обмене Сахалина на Курильские острова, гарантировала имущество лиц, остававшихся на территории, отходящей к соседней стране, а также свободу промыслов. Японские суда имели право в течение 10 лет посещать порт Корсаков без уплаты портовых сборов и таможенных пошлин. Японским рыбопромышленникам был предоставлен режим наибольшего благоприятствования вдоль побережья Охотского моря и Камчатки и др.²¹.

Что касается прав японцев на рыбный промысел на Сахалине, то они были признаны в полном объеме одинаково с российскими подданными только за теми немногочисленными японцами, которые оставались на Сахалине (приложение к договору) (пожизненный беспошлинный промысел), остальные же

рыбопромышленники могли воспользоваться только 10-летним освобождением от уплаты таможенных пошлин в Корсакове.

Однако японский уполномоченный на Сахалине Хасэбэ приказал всем японцам, проживавшим на острове, эвакуироваться, а также вынудил японцев, занимавшихся рыбным промыслом, подать ему «заявления об отказе от ведения рыбного промысла» и обещать не приезжать на Сахалин даже на сезон²². По всей видимости, Хасэбэ принял подобное решение по указанию начальника Колонизационного бюро Куроды, посетившего Сахалин в июне того года. Еще в марте по указанию сотрудников Колонизационного бюро местные жители начали покидать Сахалин и уезжать на Хоккайдо; в итоге к осени остров покинули 90 % японского населения. Также прекратили работу правительственные рыбалки, создававшиеся еще в эпоху бакуфу для оказания противодействия продвижению русских на юг острова. Таким образом, сотрудники Колонизационного бюро не только заставили японских переселенцев покинуть остров, но и вынудили частных рыбопромышленников прекратить свою деятельность, отказываясь тем самым от права на рыбные промыслы на Сахалине, согласно на которое Энмото получил от российской стороны на переговорах.

В то время рыбными промыслами на юге Сахалина занимались две крупные семьи подрядчиков с Хоккайдо, начавшие свою деятельность в начале XIX в. — дома Датэ и Сухара; их наемными работниками были в основном местные айны. В результате переговоров в Токио по настоянию министра иностранных дел Тэрадзима в пятый параграф «Договора об обмене» с согласия российской стороны было записано, что оставшиеся на острове на постоянное проживание рыбопромышленники, в число которых вошли и эти два дома, пожизненно освобождались от уплаты налогов и могли продолжать вести рыбный промысел. Вдобавок российский посланник Струве заявил, что «в случае смерти хозяина российское правительство обязательно предоставит одинаковые условия и его наследникам», отметив тем самым наследственный характер этой привилегии²³. Однако для оформления права на постоянное проживание необходимо было получить от уполномоченного свидетельство о правомочности владения недвижимостью, о доходах (приложение к договору, статья вторая). Поэтому японское правительство в инструкции своим уполномоченным указало на необходимость выдачи подобных справок желающим остаться на постоянное жительство. Но уполномоченный на Сахалине Хасэбэ, наоборот, подталкивал японских рыбопромышленников, чтобы они покинули остров, поэтому не выдавал необходимых документов.

В результате число японцев, пожелавших остаться на острове на постоянное жительство, права которых защищались договором, было равно нулю. Дома Датэ и Сухара, чье имущество и рыбопромысловое оборудование оценивалось в 480 тыс. иен, без компенсации с российской стороны покинули Сахалин, получив от Колонизационного бюро по 20 тыс. иен каждый²⁴. Иными словами, признанное договором право японцев на рыбный промысел на Сахалине было аннулировано Колонизационным бюро, что практически сразу же вызвало движение за его восстановление: рыбопромышленники из Хакодате направились в столицу и подали петицию в правительство²⁵. Японское правительство 29 февраля 1876 г. опубликовало «Приложение к договору», а в правительственном указании № 25 за 2 марта отмечалось, что владельцам рыбалок на Карафутто, желавшим продолжать их эксплуатацию, впредь оформлять «официальные разрешения на выход в море» (кокай косё). Написанные по требованию Колонизационного бюро «заявления об отказе от ведения рыбного промысла» становились недействительными. В 1876 г. на острове вели промысел 13 промышленников, японских рыбаков на 16 рыбалках насчитывалось 530 чел. Как и раньше велась свободная заготовка древесины, выработанная продукция беспошлинно вывозилась в Японию, что способствовало получению больших прибылей. В 1882 г. рыбопромышленников было уже 22, рыбаков 1500, продукции выработано около 35 тыс. коку (52500 ц) на 300 тыс. иен. (См. таблицу).

До 1882 г. российские местные власти ошибочно полагали, что на основании 1-й статьи 6-го параграфа договора все японские промыслы на Сахалине

Таблица 1

Японское рыболовство на Сахалине в российский период (1876 – 1903 гг.)

Год	Количество рыбопромыш- ленников	Количество промысловых участков	Количество рыбаков	Объем рыбопродукции	
				В коку	В иенах
1876	13	16	530	3114	20784
1877	13	22	586	10696	52424
1878	17	22	614	8034	46886
1879	17	27	444	18344	117467
1880	25	26	1121	23967	199015
1881	28	30	1455	23420	207590
1882	22	30	1580	34917	300898
1883	19	12	1546	20433	85006
1884	10	12	475	3029	12115
1885	6	9	470	6693	30119
1886	12	17	606	9581	42158
1887	12	24	919	21800	222078
1888	12	28	1127	23566	134125
1889	16	44	1245	27804	188569
1890	15	41	1318	19316	105528
1891	17	51	1423	11127	65995
1892	18	59	1495	26308	150086
1893	21	64	1572	28807	182495
1894	20	71	1967	31884	241744
1895	20	84	2157	33992	330070
1896	25	116	2787	41335	584618
1897	36	158	3858	59476	797745
1898	44	192	4424	50510	689133
1899	52	222	4346	77602	1097333
1900	38	126	2917	57357	796185
1901	37	117	3487	68670	808930
1902	35	107	3704	84584	846139
1903	30	199	3931	113942	1192404

Примечания: 1. Таблица составлена Нагано Ямио на основании отчетов японского консульства в Корсакове; История города Хакодате. Хакодате, 1997. Т. 2.

2. 1 коку рыбопродукции равен 150 кг.

на 10 лет освобождены от уплаты пошлин, поэтому совершенно не ограничивали деятельность японских рыбопромышленников. На самом деле среди японских рыбопромышленников не было никого, кто бы пожизненно освобождался от уплаты пошлин на основании статей 1,2 «Приложения к договору», поэтому все должны были относиться к категории «новых рыбопромышленников», чья деятельность регулировалась 2-й статьей 6-го параграфа. Подобная ситуация беспошлинного рыбного промысла была крайне выгодна японцам. Так, в газете «Асано симбун» писалось о противостоянии Семенова и японских промышленников на западном побережье. Фирма Семенова пыталась нанять на работу местных айнов, но они ушли на японские рыбалки. Лишившийся рабочих рук Семенов в отличие от японцев должен был уплачивать все пошлины; рыбопромышленник потребовал ухода японцев с западного побережья²⁶. Ситуация изменилась только после назначения в 1882 г. начальником Южного округа майора Янвевича. Изучив внимательно текст Санкт-Петербургского договора, майор пришел к выводу, что японцы необоснованно освобождены от уплаты пошлин, о чем информировал военного губернатора Приморской области. В мае 1883 г. военный губернатор Приморья опубликовал правила морс-

кого рыболовства, приравняв японских рыбопромышленников к категории «новых рыбопромышленников» и обложив их высокими экспортными пошлинами (10 коп.)²⁷, с чем японцы не согласились. В результате переговоров в 1885 г. российская сторона установила новые «Временные правила для производства морского рыбного промысла» на Сахалине и в Приморской области, по которым размер экспортной пошлины был снижен до 5 коп. за пуд продукции.

Японские рыбаки были вполне удовлетворены новыми правилами и даже подали прошение через японского консула в Корсакове Кудзе начальнику о-ва Сахалин о желательности действия на период свыше 10 лет. В ответе начальника о-ва Сахалин сообщалось, что они могут вести рыбный промысел в соответствии с новыми правилами с 1886 г. в течение четырех лет. Японские рыбопромышленники объединились в «Ассоциацию сезонных рыбопромышленников на Сахалине», конторы которой открылись Корсакове, Хакодате и Сисука (Поронайске). Прибыв на Сахалин, они должны были руководствоваться «Правилами для сезонных рыбаков на Сахалине», составленными в 1886 г. японским консулом Кудзе. Статья 1 правил гласила, что перед началом промысла японские рыболовные суда должны были зайти в Корсаков, заплатить установленные пошлины и сборы, после чего получить от начальника порта лицензию на промысел. «Лица, не имеющие вышеупомянутой лицензии, к промыслу не допускаются. Груз и суда тех, кто проследовал прямо на рыболовный участок, не заходя в Корсаков, конфискуются российским правительством». В статье 2 говорилось, что рыбопромышленник был обязан представить свою лицензию на промысел ближайшему представителю российских военных властей, а по окончании вернуть ее через японского консула начальнику порта Корсакова²⁸.

В связи с истечением в 1889 г. срока действия предыдущих «Временных правил» российское правительство опубликовало «Временные правила для производства морского рыбного промысла в прибрежных водах Сахалина» на следующие четыре года, по которым за соленую, сушеную рыбу и ламинарию, икорную продукцию иностранные подданные (за пуд экспортируемой продукции) должны были выплачивать пошлину в размере 7 коп. (российские — 5 коп.); за жир сельди и трески — соответственно 16 (10) коп. и соленое китовое мясо — соответственно 5 (3) коп. за пуд. Несмотря на некоторое увеличение пошлин по сравнению с предыдущим периодом, долгосрочный характер правил позволил японцам увеличить объем добываемой рыбы. Так, если за пятилетие 1886 — 1890 гг. ими было добыто 154790 ц рыбопродукции, то за 1891 — 1895 гг. они добыли около 200 тыс. ц, а в 1895 — 1900 гг. — 480 тыс. ц²⁹. В 1903 г. в среднем каждый японский промышленник уплатил пошлины в сумме 898 руб. 72 коп.³⁰

Практически безраздельную монополию японцев на рыбных промыслах Сахалина нарушил владивостокский купец Я.Л. Семенов, в 1878 г. получивший от генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фредерикса право на пятилетнюю аренду рыболовных участков на западном побережье и наладивший промысел морской капусты ламинарии в районе Мауки (Холмска). Ежегодно «Семенов и К^о» поставляла в Китай до 100 тыс. пудов морской капусты на 60 тыс. руб. О деятельности фирмы подробно сообщали японские газеты того времени. Так, газета «Хакодате симбун», писала, что «с прошлого года (1879) до марта нынешнего Семенов добыл примерно 15 тыс. коку капусты, которая реализуется в Шанхае по цене 500 иен за 100 коку. (В то время капуста из Куширо, продававшаяся на рынке Хакодате, стоила примерно от 430 до 680 иен). С учетом затрат на доставку продукции в Шанхай, а также более низкого качества капусты из Мауки по сравнению с Куширо выручка Семенова считалась удовлетворительной³¹. Наряду с местными айнами фирма ежегодно завозила на Сахалин до 500 сезонных рабочих — китайцев, маньчжуров и корейцев. С 1890 г. она в соответствии с новыми «Временными правилами» обязалась нанимать на работу русских ссыльных поселенцев. Объединив свой капитал с капиталом выходца из Шотландии Г.Ф. Демби и создав единую фирму «Семенов, Демби и К^о», Семенов в 1886 г. получил право на аренду 21 участка на западном побережье острова и приступил к промыслу. Несмотря на высокое качество сахалинской сельди, возможности ее реализации в засо-

ленном виде в Сибири и европейской части страны оказались невелики из-за неразвитости транспортной сети и высоких в связи с этим накладных расходов. Семенов принял решение перерабатывать ее в сельдяной тук и поставлять в Японию, что и делали японцы во время своего рыболовства на Сахалине.

К 1901 г. Семенов эксплуатировал на правах 10-летней аренды 21 рыболовный участок на западном побережье Сахалина. Причем основная их часть принадлежала рыбакам, освоенным еще японцами.

В 1889 г. фирма вывезла с Сахалина 141,7 тыс. пудов морской капусты, 41,15 тыс. пудов сельдяного тука, 8,5 тыс. пудов кеты. К середине 90-х годов ежегодно вывозилось в Японию до 120—150 тыс. пудов сельдяного тука, 10—15 тыс. пудов лосося сухого посола и 2—4 тыс. пудов сухой трески³². В 1903 г. фирма эксплуатировала на Сахалине 23 рыболовных участка, на которых трудились 997 чел.; общий объем продукции составил 371 тыс. пудов на сумму 500 тыс. иен. Основная часть ее шла на экспорт — в Китай и Японию. Главным партнером Семенова на японском рынке являлась крупная корпорация «Мицуй буссан»³³. По данным английского консульства в Хакодате, с пристальным вниманием следившим за рыбными промыслами на Сахалине, в 1895 г. в Японию всего (и японцами, и русскими) было экспортировано продукции рыбной промышленности на 500 тыс. дол., из них на Хакодате приходилось 294 тыс. 362 дол., т. е. примерно 60 %, а остальная часть — на Отару, Ниигату и другие порты побережья Японского моря³⁴.

С 1899 г. Семенов открыл в Хакодате свое представительство с целью не только реализации продукции на японском рынке, но и найма японских рыбаков, закупки необходимого для путины промыслового оборудования и материалов. По данным газеты «Отару симбун», фирма Семенова ежегодно нанимала по 1500—1600 чел., из них японцев — 350, русских — 40, айнов — 1000 (вместе со стариками и детьми), корейцев — 50, китайцев — 30 чел.³⁵

С 1895 г. русские рыбопромышленники начали также промысел сельди в заливе Анива. На следующий год там эксплуатировалось уже шесть-семь промысловых участков. Большая часть их владельцев так или иначе зависела от японцев: японские кредиты, совместная эксплуатация или сдача в аренду японцам участков, оформленных на себя. По этому поводу П.Ю. Шмидт писал: «Надо сказать к тому же, что и русские участки являются такими только по имени и в силу того, что хозяин — арендатор русский, — все же остальное: рабочие, лодки, способы лова и приготовления рыбы, все предметы обихода, до последнего гвоздя и веревки, — все японское и привозится из Хакодате. В Японию же отправляются и все добытые на Сахалине продукты, так как Япония является единственным возможным рынком сбыта для них»³⁶. К концу 90-х годов в объеме добытой на Сахалине рыбы доля русских рыбопромышленников неуклонно повышалась: так, если в 1898 г. ими было выловлено 257 692 пуда (японцами — 459 641 пуд), то уже в 1899 г. они добыли 322 078 пудов (японцы — 746 118), а в 1900 г. — 633 084 пуда (японцы — 639 092)³⁷.

В связи с этим интерес представляет оценка Шмидтом масштабов сахалинского рыболовства: «В общей сложности морских продуктов вывозится с Сахалина от одного до полутора миллиона пудов. При разумной эксплуатации воды, окружающие Сахалин, могли бы дать во много раз более продуктов и при соответственной обработке продуктов, гораздо более ценных. Если бы сахалинскую сельдь солить обычным способом и лососевую рыбу также превращать в обыкновенный соленый продукт или вывозить в замороженном виде, как недавно был сделан вполне успешный опыт одной немецкой фирмой на Амуре, то доход с промыслов, без сомнения, увеличился бы очень значительно, и государство получало бы с них не 100 000 руб., как в настоящее время, а, быть может, не один миллион, и к тому же население Сибири и Европейской России было бы снабжено большим количеством дешевой и хорошей рыбы»³⁸.

Российское правительство в 1890-х — начале 1900-х годов взяло курс на постепенное вытеснение японцев из русских территориальных вод. 29 ноября 1901 г. были изданы «Временные правила для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства»,

Объем продукции, произведенной фирмой Семенова и японскими рыбопромышленниками на Сахалине до русско-японской войны

Год	«Семенов, Демби и К ^о »			Японские рыбопромышленники		
	Сельд тук	Лосось	Морская капуста	Сельд тук	Сол. кета	Сол. горбуша
	коку	коку	пудв	коку	коку	коку
1876				0	1448	1666
1877				0	1261	9435
1878				0	3367	4667
1879					1973	16108
1880					20191	2930
1881				869	14265	8006
1882				135	21206	13201
1883			50000		12842	7444
1884			60000		132	2897
1885			35889			6693
1886			47000 вязанок			9581
1887			примерно 60000			21800
1888			примерно 60 000	0	10 876	12690
1889			примерно 60000	83	17328	10329
1890	3955	557	28000 вязанок	465	4717	14133
1891	5595	1950	68636	2844	2379	5901
1892	7494	368	65664	3318	2517	20472
1893	10000	1000	59385	4919	7024	16765
1894	12608	550	73786	8748	5915	17221
1895			36955	6657	7620	19716
1896	13700	780	44486	12093	19392	10125
1897	14231		650 коку	16592	8520	34247
1898	22000			32609	6336	11229
1899	27530	195	4543 коку	45727	8380	22959
1900	52100	700	15000 вязанок	40722	7719	8697
1901	41980	2691	10 000 вязанок	52192	3089	12626
1902	224175 пудв	42368	45750	61564	2224	18369
1903	40543	5171	6426 коку	90252	2566	16906

Примечания: 1. таблица составлена Симидзу Мэгуми на основании отчетов «Ассоциации сезонных рыбопромышленников на Сахалине» и Истории города Хакодате и помещена в краеведческом журнале «Хакодате», № 21. Март 1995 г. С. 19.

2. 1 коку рыбопродукции равен 150 кг.

которые устанавливали приоритет российских подданных в ведении рыбных промыслов и значительно ограничивали масштабы японского рыболовства на российском Дальнем Востоке в целом и на Южном Сахалине в частности. Крупным русским рыбопромышленником — фирме «Семенов, Демби и К^о», Г.А. Крамаренко, — правительство предоставило в аренду на 10 и 11 лет часть рыболовных участков, до этого эксплуатировавшихся японцами. В целом из 269 арендуемых японцами участков 145 было закрыто под предлогом «истощения рыбных ресурсов»³⁹.

Российско-японское противостояние достигло своего апогея в 1902 г., когда японский парламент в ответ на ограничительные меры российского правительства принял закон «О рыбопромысловых союзах в иностранных водах», по которому все японские рыбопромышленники, действовавшие на Сахалине, объединились в «Сахалинский рыбопромысловый союз» («Сагарэн суйсан кумай»), и российская сторона теряла возможность найма япоуцев. В этот пе-

риод увеличилось количество промысловых участков, оформленных японцами на российских подданных: в 1901 г. их было 56, в 1902 г. — 70, в 1903 г. — 78, что приближалось к количеству участков, оформленных непосредственно на японцев⁴⁰. В парламенте также обсуждался законопроект о значительном повышении пошлин на ввозимую рыбопродукцию. Японцы требовали от правительства защиты своих экономических интересов; под их давлением японское правительство предложило российской стороне заключить двустороннее рыболовное соглашение, переговоры по которому были прерваны русско-японской войной. В 1904 — 1905 гг. японский промысел на Сахалине не велся. После оккупации Сахалина японской армией и заключения Портсмутского мирного договора, по которому южная часть Сахалина отошла к Японии, ряд русских рыбопромышленников («Семенов, Дэмби и К^о», Билич и Крамаренко) пытались возобновить промысел на юге острова. Новая японская администрация на торгах в сентябре 1905 г. сдала большую часть рыболовных участков японцам; бывшим русским арендаторам осталось всего 37 участков (из 252 в целом). Потерпев убытки, бывшие арендаторы обратились в июле 1906 г. с петицией в администрацию Карафуто о восстановлении своих прав, но японская сторона ее отклонила. После этого Дэмби на закулисных переговорах с высокопоставленными представителями японского правительства поднял вопрос о компенсации за понесенные потери; японская сторона, стремясь подсластить пилюлю накануне переговоров с российской стороной о заключении Рыболовной конвенции 1907 г., приняла решение о выплате русским рыбопромышленникам за потерю участков на юге Сахалина 1 млн. 200 тыс. иен⁴¹. Получив компенсацию, Дэмби устремил свой взор в сторону Камчатки.

С началом русско-японской войны и первыми победами в японском правительстве вспомнили старые обиды на Россию по поводу Сахалина, посчитав, что наступил момент отплатить за причиненные Россией унижения. Аналогичные настроения были и у части японского общества. Так, в газете «Хоти симбун» за 9 апреля 1904 г. отмечается, что в Отару организована «Ассоциация по подготовке рыбного промысла на Сахалине» («Сахарин гёгё кисэй домэй-кай») и обратились с петицией к правительству, в которой требовали оккупировать Сахалин и обеспечить тем самым безопасность японского рыболовства. В случае невозможности оккупации они просили разрешить выход на пугину на Сахалин, предоставив самим право побеспокоиться о безопасности промысла⁴².

С высадкой японского десанта на рассвете 7 июля 1905 г. в селе Мерее (сейчас местечко Пригородное в 15 км от Корсакова) и селе Савина (падь на побережье Анивского залива) начался новый этап в русско-японских отношениях на острове.

Размышляя о дальнейшей судьбе Сахалина за несколько месяцев до высадки японского десанта в заливе Анива, П.Ю. Шмидт пишет: «После окончания войны, если нам удастся удержать Сахалин в своих руках, перед нами встанет дилемма: или перестроить жизнь острова так, чтобы была возможна его свободная колонизация, или снова отдать эксплуатацию его водных богатств в руки японских промышленников, отказаться от своего достояния и получать жалкие крохи от богатств, которые могут давать миллионы»⁴³. В действительности, как и опасался ученый, России не удалось удержать Сахалин полностью в своих руках. Ее поражение в русско-японской войне и заключение Портсмутского мира подвели черту под одной исторической эпохой и ознаменовали начало новой. Статья XI Портсмутского мирного договора гласила: «Российское Императорское Правительство уступает Императорскому Японскому Правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалин и все прилегающие к последней острова, равно как и все общественные сооружения и имущества, там находящиеся. Пятидесятая параллель северной широты принимается за предел уступаемой территории. Точная граничная линия этой территории будет определена согласно постановлениям дополнительной II Статьи, приложенной к сему Договору...».

Россия и Япония взаимно согласились не возводить в своих владениях на о-ве Сахалин и на прилегающих к нему островах укреплений и военных со-

оружий; взаимно обязались не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперуза и Татарском⁴⁴. В нескольких строках договора отражен полный провал дальневосточной политики царизма на рубеже XX в.

В соответствии с дополнительной статьей II договора на созданную российско-японскую комиссию возложили задачу провести разграничение между двумя странами по 50-й параллели. Работа комиссии была завершена в 1907 г., а 6 августа 1908 г. подписан «Документ по установлению государственной границы на Сахалине». Таким образом о-ов Сахалин разделили на две части; до августа 1945 г. его южная часть находилась в составе Японской империи, а северная — в составе России, а затем — СССР.

Итак, колесо истории сделало еще один оборот. Сахалинский вопрос XIX в., казалось бы решенный окончательно по обоюдному согласию в 1875 г., вновь возник в начале XX в.; Япония, став одним из полюсов многополярного мира, почувствовала себя достаточно сильной, чтобы требовать свою долю сферы влияния и претендовать на силовое лидерство на Дальнем Востоке. В этом плане Сахалин, не являясь приоритетом японской политики, тем не менее на протяжении последних 200 лет находился в сфере японских интересов, в том числе экономических. Что касается России, то Япония никогда не была в центре российской внешней политики, а являлась одной из ее многих составляющих; Сахалин в этом плане занимал еще более скромное место. На решение России включить остров в состав своей территории повлияли отнюдь не экономические соображения, а военно-политические интересы (впрочем, это касается не только Сахалина). Получив Сахалин в безраздельное владение в 1875 г., Россия успокоилась и, не будучи большим преувеличением сказать, забыла о его существовании. В любом случае индифферентность царизма в политике по отношению к Японии, приведшая к русско-японской войне и позорному в ней поражению, проявилась также в отношении к Сахалину, закономерным следствием чего и явилось отторжение его южной половины.

Что касается Японии, то она, избрав в качестве основы внешней политики вооруженную агрессию в отношении ближайших соседей, в годы гражданской войны в России предприняла попытку решить сахалинский вопрос окончательно в свою пользу: под предлогом событий в Николаевске 1920 г. японская армия оккупирует весь Северный Сахалин. В течение пяти лет японской оккупации шло интенсивное освоение природных ресурсов севера острова. Даже вернув после заключения в январе 1925 г. Пекинской конвенции Северный Сахалин СССР, Япония в течение последующих 20 лет в виде концессионных договоров на эксплуатацию нефтяных и угольных месторождений продолжала эксплуатацию этих ресурсов.

Тем временем на юге острова, ставшего японским после двухлетнего периода военной администрации в 1907 г. власть перешла в руки гражданской администрации Южного Сахалина (губернаторство Карафуто), управлявшей японской частью острова вплоть до внедрения в 1938 г. административной системы военного времени. Японская официальная пропаганда тех лет подчеркивала успехи колонизации Карафуто на фоне бесхозяйственности русских, не сумевших придумать для освоения острова ничего лучшего, чем каторга.

Несомненно, определенные успехи в хозяйственном освоении Южного Сахалина за 40-летний период японской колонизации были. Оставляя за рамками данной работы их подробный анализ, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на изменение статуса Южного Сахалина в сентябре 1942 г. с «гайти» (буквально: внешние земли, т. е. колония) на «найти» (внутренние земли, т. е. собственно Япония), экономика Карафуто была и оставалась типично колониальной с концентрацией основных усилий в таких отраслях, как лесная, целлюлозно-бумажная, угледобывающая и рыбная. Отдав на откуп частным корпорациям наиболее прибыльные отрасли, государство взяло на себя задачу по созданию транспортной инфраструктуры (железные и шоссейные дороги, портовые сооружения и т. д.), часть которой сохранилась до сих пор.

- ¹ Нихонкоку гаймусё кирокукёку Тэймэй каккоку дзёяку исан (Бюро протоколов МИД Японии, Сборник договоров, заключенных с зарубежными странами). Токио кокубунсэ инсацу, 1884. С. 568.
- ² Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношении к материке Азии и России, Иокогама, 1909 г. Т. 1. С. 404.
- ³ Текст «Договора об обмене Сахалина на Курильские острова» и «Приложений» см.: Нихонкоку гаймусё кирокукёку Тэймэй каккоку дзёяку исан. С. 629—640.
- ⁴ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. М., 1991. С. 237.
- ⁵ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин // Русское богатство. С.-Петербург. 1905. № 4. С. 169—170.
- ⁶ Дорошевич В. Сахалин (каторга), Объединение «ЛИК», Сахалинское отделение ВФК. 1991. С. 38—45.
- ⁷ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин. С. 174.
- ⁸ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. М., 1991. С. 237.
- ⁹ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин. С. 184.
- ¹⁰ Там же. С. 166—167.
- ¹¹ Цитируется по: Галлямова Л.И. Источники по истории социально-экономического развития Южного Сахалина и Курильских островов // Исторические чтения. Ю.-Сахалинск, 1996 — 1997. № 2. С. 309.
- ¹² Шмидт П.Ю. Остров Сахалин. С. 179.
- ¹³ Там же. С. 177.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. С. 237.
- ¹⁶ Брылкин А. Письма с Сахалина // Зап. Сиб. отд.-ния Имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1864. Кн. 7. С. 38.
- ¹⁷ Стефан Джон. Сахалин. История. Пер. с англ. В.В.Переславцева. Краевед. бюл. Ю-Сахалинск, 1992 г. № 1. С. 57.
- ¹⁸ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма». С. 253.
- ¹⁹ Шмидт П.Ю. С. 161.
- ²⁰ Там же. С. 182.
- ²¹ Тексты «Договора об обмене Сахалина на Курильские острова» и «Приложений» см. Нихонкоку гаймусё кирокукёку, Тэймэй каккоку дзёяку исан. С. 629—640.
- ²² Рорё Сагарэнтё гёгё тёса хококу (Отчет о рыбных промыслах на российском Сахалине. 1900. С. 24. Ассоциация рыбных промыслов ставными неводами Карафуту // Карафуту то гёгё (Карафуту и рыбные промыслы). 1931. С. 74—76.
- ²³ Дай Ниппон гайкобунсё (Дипломатические документы Великой Японии). Т. 8. С. 246—247.
- ²⁴ Секретариат губернаторства Карафуту, Карафуту сисэй энкаку (История административного управления Карафуту). Тоёхара, 1912. Т. 2. С. 122.
- ²⁵ Ассоциация рыбных промыслов ставными неводами Карафуту // Карафуту то гёгё (Карафуту и рыбные промыслы). 1931. С. 77.
- ²⁶ Асано симбун. 1879. Июнь, 4—5.
- ²⁷ Рорё Сагарэнтё гёгё тёса хококу (Отчет о рыбных промыслах на российском Сахалине). С. 25.
- ²⁸ Сайкаку Садао. Карафутоси но сиори (Руководство по истории Карафуту). Токио, 1941. С. 275.
- ²⁹ Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994. С. 156.
- ³⁰ Карафуту тё сисэй 30 нэнси (30 лет управления Карафуту). Тоёхара, 1936. С. 36.
- ³¹ Хакодатэ симбун, 1879. 12 авг.
- ³² 30 лет управления Карафуту. С. 34.
- ³³ Аита Кинго. Хакодатэ ситан (Рассказы по истории Хакодатэ). Хакодатэ, 1994. С. 56.
- ³⁴ Симидзу Мэгуми. Хакодатэ-ни окэру росиядзин сёкай но кацудо (Деятельность русских торговых фирм в Хакодатэ). Хакодатэ, 1995. № 21. С. 20.
- ³⁵ Отару симбун. 1896 г. 28 февр.
- ³⁶ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин. С. 157.
- ³⁷ Аита Кинго. Хакодатэ ситан. С. 35.
- ³⁸ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин. С. 159.
- ³⁹ Аита Кинго. С. 55.
- ⁴⁰ Хакодатэ сиси (История города Хакодатэ). Хакодатэ, 1997. Т. 2. С. 1147.
- ⁴¹ Симидзу Мэгуми. Хакодатэ-ни окэру. С. 28.
- ⁴² Хоти симбун. 1904. 9 апр.
- ⁴³ Шмидт П.Ю. Остров Сахалин. С. 184.
- ⁴⁴ МИД. Сб. договоров и дипдокументов по делам Д.В. 1895 — 1905. СПб., 1906.

SUMMARY: Vladimir Tryokhsvyatsky, a lecturer of the branch of the Far Eastern State University in Hakodate (Japan) in his article «Economic Development of the South Sakhalin and Japan Fishery in 1875—1905» refers to treaties and agreements that had been concluded between Russia and Japan, and describes administrative policy of tsarist government in Sakhalin in the last quarter of the 19th century. The author shows the dimensions of Japan's presence there and influence upon formation of the Russian fisheries on the island.